

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРЕСТУПНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.
В АРХИВЕ МОСКОВСКОЙ УПРАВЫ БЛАГОЧИНИЯ**

Такой богатый источник, как судебно-следственные дела в России пока относительно мало изучен [6, с. 398]. Информационный потенциал судебно-следственных дел для изучения российской преступности XVIII в. был продемонстрирован в ряде работ последних полутора десятилетий [1–4; 7–9; 12–14 и др.]. Однако и для криминологических исследований России XIX в. существует серьезная архивная источниковая база, до сих пор практически не разработанная [в частности, об этом см. 10, с. 79]. Чтобы иметь целостное представление, к каким именно архивам стоит в данном вопросе обращаться, рассмотрим подробнее систему судебно-следственных учреждений, сложившуюся к началу XIX века в Российской империи.

В начале XIX века первой инстанцией рассмотрения уголовных и гражданских дел для купцов, ремесленников и мещан был городской магистрат, а для дворян и крестьян – уездный суд, состоявшие, соответственно, из департаментов уголовных и гражданских дел [5, с. 185; 15, вып. 1]. Так, в Москве действовал Московский уездный суд, архив которого хранится в фонде 102 Отдела хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ; до апреля 2013 года – Центральный исторический архив Москвы). Верхний земский суд – средняя сословная инстанция для дворян – был упразднен Павлом I и более не восстанавливался. Высшей уголовной инстанцией губернии для всех сословий была палата уголовного суда. Так, в Москве действовала Московская палата уголовного суда [16].

Помимо этого, в каждой губернии действовал совестный суд, а в столицах еще и надворные суды [5, с. 185]. В задачи Московского совестного суда, существующего с 1782 года [18], входило расследование запутанных уголовных и гражданских дел, касающихся преступлений умышленных, малолетних, лиц, совершивших преступление в невменяемом состоянии [15]. Судебные дела дворян, проживавших в столице в связи с пребыванием на административной или военной службе (а также судебные дела разночинцев с 1802 по 1866 гг.) рассматривали три департамента Московского надворного суда [17].

Таким образом, документы, содержащие информацию о московской преступности изучаемого периода, разпылены между фондами различных судебных учреждений. Однако, если мы обратимся к документации следственных органов, мы увидим более цельную картину.

В 1782 г. Екатерина II перестроила городскую полицию на основе «Устава благочиния» (далее – Устав), согласно которому в городах создавались специальные органы охраны правопорядка – управы благочиния. В ведение управ поручались дороги, мосты и переправы, торговля, меры и весы, благоустройство, разрешения на строительство домов и иные функции, однако в свете рассматриваемой темы мы обратим внимание лишь на такую функцию управы, как «открытие преступлений и проступков, предупреждение оных, имение под стражу преступников, исследование на месте, обнаружение и утверждение доказательства преступлений или проступков, и да воспрепятствует злему учинить злое, и да воздержится от неистовства и преступления» [11, т. 21, № 15379].

Управы благочиния были упразднены при Павле I и вновь восстановлены в первоначальном виде только в Москве и Санкт-Петербурге Александром I в 1802 г. [5, с. 141, 143]. Чтобы выявить, чем, собственно, была эта структура, какой архив она могла сформировать и как, далее мы проанализируем функционирование управы, предписанное законодательством.

Согласно Уставу, город был разделен на кварталы по 50–100 домов. За порядком в каждом квартале следил квартальный надзиратель, которому подчинялся квартальный поручик. Также квартальному надзирателю подчинялись ночные сторожа. «Квартальный надзиратель в семь часов за полночь доносит частному приставу о происшедшем в прошедшей ночи и сутках в его квартале» [11, т. 21, № 15379, ст. 151]. Частный пристав стоял во главе части, которая объединяла нескольких кварталов – 200–700 домов. Частному приставу подчинялись: ночные сторожа, квартальные поручики, квартальные надзиратели, частная полицейская команда, два градских сержанта, сопровождающие частного пристава, письмоводитель, канцелярские служащие. Штабом для этой команды служила часть – дом частного пристава по Уставу. Служащие городских застав, фиксирующие правонарушения, также должны были докладывать о том частному приставу.

А возможно ли конкретно выявить этих людей в каждом деле, их имена и фамилии? Да, так как в ЦГАМ сохранились документы о выплате жалования служащим полиции и служащим московской управы благочиния [напр.: 20, оп. 7, т. 1, д. 3974, 3975].

Выявленную информацию о преступлениях частный пристав должен был докладывать в управу ежедневно, в 8 утра. В московской управе заседали обер-полицмейстер, два полицмейстера, пристав уголовных дел, пристав гражданских дел и два ратмана – выборные от купечества. Дела они должны были решать коллегиально. Исследователь имеет шанс выяснить, кто именно заседал в управе благочиния в день рассмотрения этого дела, – в ЦГАМ сохранились журналы заседаний и определения присутствия [напр.: 20, оп. 6, д. 275–282].

Заслушивая с утра частных приставов, управа благочиния должна была сперва рассматривать те дела, в которых были задержанные. Преступления против собственности, ущерб в которых не превышал двадцати рублей, управа благочиния рассматривала самостоятельно и назначала наказание. Статья 70 Устава гласит: «Управа Благочиния уголовные преступления по словесному исследованию и судные дела выше 20 рублей отсылает в Судебное место, куда которое по Учреждениям следует» [11, т. 21, № 15379]. А в статье 73 пункт 3 читаем: «Управа Благочиния исполняет к ней присланные от Судебных мест приговоры, определения и решения, и об исполнении доносит и сообщает, куда надлежит» [11, т. 21, № 15379] – то есть в делах управы благочиния можно искать также и судебные постановления. Из статей 37, 38 и 127 Устава можно заключить, что, если было необходимо расследование дела, то до закрытия дела либо до передачи его в суд расследование вели как частные приставы, так и штат самой управы благочиния, впрочем, также иногда перепоручавший первым допросы и опросы.

Анализ законодательства помогает нам выявить, что управа благочиния была неким «головным офисом» московской полиции – и при этом местом, в архивах которого должна была накапливаться документация полиции. Архив Московской управы благочиния составляет фонд № 105 Центрального государственного архива города Москвы. Он объединен в 17 описей, некоторые из которых разделены на тома. В каждой описи нумерация дел начинается заново, в томах одной описи нумерация сквозная. Дела в пределах одной описи размещены в хронологическом порядке.

Некоторые описи объединены по существу дел, некоторые – по хронологическому признаку, некоторые – по обоим признакам. В целом для выявления уголовных дел либо же личностей служащих полиции имеет смысл пользоваться следующими описями: оп. 2. 1783–1847 гг. 1858 дел; оп. 1797–1806 гг. 1368 дел; оп. 4. 1813–1843 гг. 3281 дел; оп. 5. 1821–1845 гг. 1992 дела; оп. 6. 1782–1881 гг. 1424 дела; оп. 8, том 1. Уголовная часть за 1783–1861 гг. 6765 дел; оп. 8, том 2. Уголовная часть за 1783–1861 гг. 3469 дел; оп. 9. 1780–1816 гг. 3078 дел; оп. 10. 1848–1882 гг. 1283 дела; оп. 11. Гражданская часть, уголовная часть, архитектурная часть, личный состав. 1775–1882 гг. 773 дела; оп. 12. Уголовная часть за 1783–1844 гг. 334 дела; оп. 15. Личные дела служащих полиции. 1782–1849 гг. 309 дел; оп. 16. 1781–1907 гг. 303 дела; оп. 17. Описи решенных дел за 1782–1842 годы. 104 дела.

Необходимо заключить, что для изучения настоящей темы архив Московской управы благочиния представляется чрезвычайно многообещающим по ряду причин: (1) в архиве управы благочиния, согласно «Уставу благочиния, или полицейскому», должна была накапливаться документация московской полиции; (2) московская полиция, частью которой являлась управа благочиния, была единственным органом Москвы, проводившим досудебное следствие, по окончании же досудебного следствия дела препровождались в различные судебные учреждения; (3) часть дел прекращались уже на стадии досудебного следствия; (4) судя по исследованию части архива, по крайней мере в некоторых делах после отправки дела в суд и принятия судебного решения информация о таком решении заносилась в дела Управы; (5) управа благочиния была не только следственным, но и судебным органом, рассматривающим преступления небольшой тяжести, информация о которых, соответственно, в другие суды не поступала. Таким образом, представляется чрезвычайно важным обращение к архиву московской управы благочиния, в частности, в рамках изучения истории преступности.

1. Акельев, Е. В. Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в. : сравнительно-историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Акельев Евгений Владимирович ; Рос.гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2009. – 368 с.

2. Акельев, Е. В. Мир Ваньки Каина: историко-антропологическое исследование криминальной среды Москвы 40-50-х годов XVIII века : дипломная работа / Акельев Евгений Владимирович ; Рос.гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2005. – 181 с.

3. Акельев, Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина / Е. В. Акельев. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 416 с.
4. Анисимов, Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. Анисимов. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с.
5. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1968. – 368 с.
6. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 2000. – 702 с.
7. Каменский, А. Б. Девиантное поведение в русском городе XVIII в. / А. Б. Каменский // Одиссей. Человек в истории. 2005. – М., 2005. – С. 367–392.
8. Каменский, А. Б. Городские хулиганы в России XVIII в. / А. Б. Каменский // Россия XXI. – 2002. – № 1. – С. 122–139.
9. Лавров, А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. / А. С. Лавров. – М. : Древлехранилище, 2000. – 574 с.
10. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дм. Буланин, 2003. – Т. 1–2.
11. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1. – СПб., 1830. – Т. 21–29.
12. Ролдугина, И. А. Опыт исследования в области социального дисциплинирования: Калининская комиссия и Калининский дом / И. А. Ролдугина // Новый взгляд. – 2007. – С. 24–29.
13. Смилянская, Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. – М. : Индрик, 2003. – 464 с.
14. Смилянская, Е. Б. «Любовь твоя раны мне дает...» (чувства и страсти по следственным материалам XVIII в.) / Е. Б. Смилянская // Гендерный подход в антропологических дисциплинах. – СПб., 2001. – С. 26–40.
15. Центральные архивы Москвы : путеводитель по фондам / сост. И. Г. Тараканова и др. ; ред.: А. Д. Степанский [и др.]. – М. : Мосгорархив, 1999. Вып. 1–5.
16. Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года (ЦГАМ). – Ф. 50.
17. ЦГАМ. – Ф. 81.
18. ЦГАМ. – Ф. 91.
19. ЦГАМ. – Ф. 102.
20. ЦГАМ. – Ф. 105.

Луговцова С.Л.
УЕЗДНЫЕ СПИСКИ ДВОРЯНСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В результате трех разделов Речи Посполитой территория Беларуси вошла в состав Российской империи, руководство которой встало перед необходимостью определить правительственную политику по отношению к разным социальным слоям новых территорий. В первую очередь, это касалось дворянства, как группы, на которую традиционно опирались в Петербурге на вновь присоединенных землях. Основным методом учета населения в Российской империи в первой половине XIX в. были ревизии. Население Беларуси, и дворянство в том числе, было впервые учтено при проведении 5-й ревизии 1796 г. Г.Н. Тумилович отметила, что численность высшего сословия Беларуси по 5-й ревизии была явно занижена. В ходе ревизии не учитывались дворяне, имевшие крепостных, и дворяне-татары. Ещё более важным фактором недоучета дворянства на территории белорусских губерний являлся недоучет численности мелкой шляхты, что объяснялось, в первую очередь, нежеланием данной категории быть учтенной. Так как имевшие крепостных дворяне по пятой ревизии не учитывались, основная часть шляхты опасалась, что все зарегистрированные должны будут платить подати. Следует учитывать, что конец XVIII в. — это время вживания шляхты Великого Княжества Литовского в российскую действительность, когда её представителям трудно было предугадать по какому пути пойдет законодательство в отношении присоединенных земель [6, с. 93–94].

В Российской империи в XIX в. правительство стремилось контролировать численность дворянства западных губерний, его перемещения, возможность участия в дворянских выборах. Разные задачи требовали составления на местах списков разного содержания. В частности, каждое трехлетие составлялись списки помещиков, имевших право участвовать лично или через представителей в дворянских выборах и дворянских уездных собраниях. Законодательство о дворянских выборах менялось на протяжении первой половины XIX в. В соответствии с декабрьским указом 1831 г. право лично участвовать в собрании и в выборах предоставлялось каждому дворянину, внесенному в родословные книги губерний, и имевшему в ней недвижимость, если у него было не менее 3000 десятин незаселенной земли, а также чин не ниже 14-го класса. Приравнялись к этой категории лица, обладавшие более низким имущественным цензом, но имевшие звание не ниже полковника или действительного статского советника. Мелкопоместные дворяне, у которых было свыше 5, но менее 100 душ м. п. или от 150 до 3000 деся-